

Узлов Юрий Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
тел. (918) 264-48-25

Uzlov Yuriy Andreevich

Candidate of History,
associate professor of the chair of
history and culturology,
Kuban State University
tel. (918) 264-48-25

**КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ НАЧАЛА XX В.**

**COOPERATIVE MOVEMENT
AS FACTOR OF FORMATION OF
CIVIL SOCIETY OF RUSSIA IN
THE BEGINNING OF XX CENTURY**

Аннотация:

В задачу данной статьи входит анализ проблемы становления и развития российского гражданского общества в контексте взаимоотношений между государством и кооперацией в условиях рыночной экономики переходного периода начала XX вв.

Ключевые слова:

кооперативное движение, гражданское общество, рыночная экономика.

The summary:

The purpose of this article includes the analysis of the problems of formation and development of Russian civil society in the context of the relationship between the state and the cooperation in the conditions of market economy in the period of the early 20-th century.

Keywords:

cooperative movement, civil society, market economy.

В комплексе научных и социально-значимых проблем, стоящих перед российским обществом, нет задачи более актуальной, чем поиск путей возрождения правовой, государственной, экономической и духовной стабильности страны. С этой точки зрения представляет интерес опыт кооперативного движения в России начала XX в. как фактор формирования гражданского общества.

Изучение опыта кооперативного движения, его анализ в связи с формированием гражданского общества имеет не только исследовательское, но и практическое значение. Кооперация в России второй половины XIX – начала XX вв. была важной составляющей в модернизационном процессе страны, являя собой феномен народной жизни, органично сочетая элементы традиций и новаторства. Кооперация была символом нового, где люди с надеждой получали ответы на вопросы, их волновавшие, где просматривалась модель нового мироустройства на принципах сотрудничества и партнерства.

Актуальность проблемы кооперативного движения обусловлена также и потребностями современной жизни в условиях глобализации, когда сложные процессы формирования рыночных отношений в России в определенной степени обострили взаимоотношения между государством, крупным и мелким производителем и потребителем. После долгих лет забвения кооперативное движение делает первые шаги в новых для себя условиях, опираясь сегодня в основном на зарубежный опыт. Собственный кооперативный опыт, национальная специфика остаются невостребованными.

При анализе проблемы необходимо учитывать специфику российской действительности, которая встраивается в индустриально-информационный капитализм, как и нельзя недооценивать роль традиций, общинной организации общества и специфики отечественной кооперации. Важно обратить внимание на историю взаимоотношений государства и общества, влияние рыночных отношений на формирование гражданского общества.

Для нас важно понять логику основателей отечественного кооперативного движения, которые не только усматривали в гражданских кооперативных ассоциациях и объединениях новые проявления социальной взаимопомощи, но и обращали внимание на конфликты, подрывавшие представления россиян о гармонии государства и гражданского общества в условиях рыночной экономики.

Основным теоретиком отечественного кооперативного движения считается В.Ф. Тотомианц. В работе «Теория, история и практика потребительской кооперации», автор приходит к выводу, что в рамках имперской модели XIX – начала XX вв. русское государство претендует на монопольное право выражать интересы всего общества в целом и разрушает те объединения и ассоциации, которые воспринимаются как государство в государстве [1].

Другой исследователь Э. Фромм отмечает, что время диктует новые правила жизни в условиях рыночной экономики. Ее влияние распространяется на все более широкие сферы жизни российского общества, она генерирует стимулы социальной и взаимопомощи, способствует формированию особой ценностной ориентации «рыночного характера» [2].

Гражданское общество предполагает прежде всего систему объединений и форм деятельности граждан, которая возникает для защиты индивидуальных и групповых интересов трудящихся путем самоорганизации общества помимо государственного регулирования.

Важной функцией гражданского общества является социализация личности, групп, формирование нормативных социальных ценностей; гражданское общество должно ограничивать государственную машину в ее эгоистических действиях посредством общественного воздействия.

И.Б. Левин в исследовании «Гражданское общество на Западе и в России» приходит к выводу, что мировая практика доказала: институты гражданского общества формировались на основе длительных трансформаций корпоративных структур традиционного общества. Процессы эти могут идти с преобладанием начал самоорганизации общества, как это имело место в Европе, или по инициативе самого государства, примером тому Россия и другие страны Востока [3, с. 63].

Исторический опыт свидетельствует о том, что на протяжении столетий Россия являлась многоукладным государством. Петровская модернизация XVIII в. вызвала социокультурный раскол, последствия которого сказывались в последующих эпохах, прежде всего в новшествах, порождавших противоречивые последствия для социальной системы.

В цивилизациях с многоукладными обществами носителями новых, гражданских качеств становятся традиционные формы: семья, община, кооперативных объединения, социальные группы, являющиеся носителями модернизации и встраивающиеся в систему патернализма.

Развивая тему о моделях развития цивилизаций, нельзя не согласиться с Дж. Бирбанком, который в исследовании «Империя и гражданское общество» отмечает, что на протяжении двух веков Россия несла в себе глубинное противоречие между поощрением технологических и хозяйственных новшеств и традиционной политической системой [4, с. 32]. При этом необходимо дополнить, что государство играло не только сдерживающую, но и стабилизирующую роль в развитии разрозненных очагов гражданственности: земств, университетов, кооперации, общественных движений. С индивидуализацией отношений между людьми империя также воспитывала и коллективное гражданское общество, влиявшее в начале XX века на классовую структуру, религию, этничность, региональные общности людей.

«Гражданское общество – категория историческая», – пишет Б.Н. Миронов в монографии «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) и под эле-

ментами гражданского общества подразумевает социальные группы населения, общественные, сословные организации и институты, которые образовали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную официальной власти, но в то же время легитимную, признаваемую государством и всем обществом, которые оказывали влияние на официальную власть разными способами, но главным образом посредством общественного мнения [5, с. 262].

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала периодом становления гражданского общества. Причем не только в элитарных формах, но и в виде разветвленной системы социальных организаций. Взаимосвязь институтов традиционного и гражданского общества в начале XX в. очевидна на примере развития организаций такого социально-экономического движения, как кооперация.

В данной статье мы попытаемся проанализировать некоторые элементы, связанные со становлением российского гражданского общества в контексте взаимоотношений между государством и кооперацией в условиях рыночной экономики переходного периода.

В исторической литературе кооперация, как правило, рассматривается с позиций социального движения. Известные деятели кооперативного движения В.Н. Махов, М.И. Туган-Барановский, А.В. Чаянов, Н.В. Чайковский подчеркивали ее демократический характер, отмечали гибкость и самостоятельность [6].

А.В. Чаянов в «Кратком курсе кооперации» дает следующую оценку кооперативному движению. Управляемая в самых мельчайших своих органах выборными лицами трудящихся под ежедневным неусыпным контролем избравших их членов кооператива, не связанная административными распоряжениями центра, гибкая в хозяйственной работе, допускающая наиболее быстрое и свободное проявление местной инициативы, она является наилучшим аппаратом там, где требуется организованная местная самостоятельность [7, с. 13].

Под кооперацией исследователи чаще всего понимают форму организации частного мелкотоварного производства, сбыта, потребления, мелкого кредита, основанную на добровольном объединении трудовой деятельности, имущества или капиталов, а также на совместном управлении [8, с. 39].

К началу XX в. в кооперативном движении постепенно созревают предпосылки для перехода к качественно новому этапу развития. На смену политике утверждения кооперативов сверху приходит время самостоятельности и широкого народного творчества, благодаря которому кооперация становится важным фактором общественного развития.

Огромную роль в этом процессе сыграли земства. Лучшие его представители на протяжении истории земского самоуправления служили делу народного благосостояния, видели свое призвание в культурном просвещении населения, подъеме уровня его жизни.

Самоорганизация и самоопределение кооперативного движения стали возможны благодаря многолетней, многоплановой и целенаправленной деятельности русских либеральных интеллигентов и самого государства. Развитие русской кооперации, особенно кредитной, приобретение ею характера массового движения было связано с активным содействием министерства финансов и Государственного банка. Министерство финансов поддерживало кооперацию потому, что она являлась одним из дешевых способов разрешения аграрной проблемы.

Государственная власть оказывала содействие кооперативам по преимуществу в той области и в тех регионах, где можно было организовать выгодное производство или наладить экспорт продукции. Ярким примером этой политики послужило образование маслодельных артелей в Сибири и кредитных кооперативов на Юге России [9, с. 3–7].

Российское правительство оказывало в основном поддержку кооперативным учреждениям мелкого кредита. К 1910–1911 гг. по числу учреждений и численности членов ссудо-сберегательные и кредитные товарищества превзошли крестьянские сословно-общественные заведения мелкого кредита. По признанию Управления по делам мелкого кредита, бурный рост кредитной кооперации объяснялся помимо общих хозяйственных причин «насаждением» со стороны государства [10, с. 1]. Государство, таким образом, фактически стало составной частью кооперативного движения в России. Это еще одна из особенностей кооперативного движения в нашей стране. Но наиболее активно использовалась как инструмент для выполнения правительственной политики кредитная кооперация [11, с. 117].

Как писали газеты того периода, благодаря «казенным» миллионам русская кооперация процветала, и в этом факте нет чего-либо позорного для кооперации или угрожающего ее перспективам. Опека со стороны агентов Государственного банка была не во вред кредитным и молочным товариществам. Напротив, именно постоянный контроль над операциями и состояние счетов упрочил положение товариществ и их финансовую репутацию [12, с. 17].

По мнению В.Ф. Тотомиянца, как мы отмечали выше, высоко оценивавшего содействие государства кооперации, необходимо еще большее содействие в развитии всех ее форм. При этом ученый обращает наше внимание на следующую деталь: помощь кооперации со стороны государства вовсе не означает потерю или уничтожение самостоятельности кооперативного движения [13, с. 4–5].

С.Н. Прокопович суть проблемы видел в следующем: «Отстранение правительства и Государственного банка от дела мелкого кредита означало бы изъятие из кредитного обращения всей массы мелких сбережений». Он также считал, что правительство обязательно должно играть крупную роль в деле организации мелкого народного кредита, однако было бы неприемлемо и нарушение самостоятельности кооперации мелочной централизованной опекой со стороны государственной власти [14, с. 116].

Эти взгляды разделяли А.В. Евдокимов [15, с. 82] и А.Н. Анциферов [16, с. 23–26].

На протяжении всего исторического периода государство постоянно осуществляло контроль экономики страны. Смысл экономической политики правительства состоял в мобилизации частных материальных средств и одновременно в ограничении возможности становления самостоятельного гражданского общества.

Власть постоянно проявляла активное стремление к всемерной регламентации в деятельности всех учреждений, включая кооперативные. Учредители кооперативных организаций сожалели, что в то время, когда их заграничные коллеги были совершенно свободны в своих действиях и имели полную возможность использовать все средства для выполнения намеченной ими цели, русские кооператоры были «вынуждены действовать со связанными руками и опаской попасть в категорию государственных преступников» [17, с. 459].

Кооперация для власти имела двоякое значение. С одной стороны, она представлялась одним из важнейших способов преодоления аграрного кризиса и повышения адаптации народного хозяйства к изменившейся экономической среде, с другой – своеобразной организацией общественной инициативы, которая несовместима с принципом «всесторонней опеки». На практике политика правительства по отношению к кооперации была непоследовательной, зачастую противоречивой.

Кооперативные союзы также воспринимали государственную политику по-своему. Одна часть высказывалась за активную, в основном финансовую, помощь государства. Другие отрицательно относились к надзору государственной власти над кооперативными

организациями, что неизбежно приводило к столкновениям и конфликтам между кооперативными функционерами и представителями государственной власти. Наиболее заметно это было в сфере строительства кооперативных союзов и организации культурно-просветительской работы.

По данным «Вестника кооперации» за 1916 год, за период с 1907 по 1914 гг. количество кооперативных товариществ увеличилось с 2189 до 13 080, а число членов с 932,9 тыс. до 8262 тыс. [18, с. 41], что говорит о росте авторитета кооперативного движения в России.

Активная модернизационная политика правительства в первой четверти XX в. отразилась и на финансовых операциях кооперативных организаций, и на ее хозяйственной деятельности. Так, общий баланс кредитных (10,401) и ссудно-сберегательных (3,728) товариществ на 1 июля 1914 г. составил 773 162 000 руб. Причем 12,5 % этой суммы приходилось на собственные средства кооперативов, 19,2 % – на правительственные, 63 % – на привлеченные [19, с. 64].

Наиболее состоятельными в финансовом отношении были кредитные кооперативы губерний Прибалтики, Польши и Юга России. Самыми крупными суммами обладали кооперативы Лифляндской губернии. На 1 октября 1913 г. их баланс составил более 51 млн руб. (51 248 261 руб.), в то время как для товариществ Владимирской губернии он не превышал 6,7 млн руб., Ярославской – 4,5 и Московской – 4,1 млн руб. [20, с. 51–52]. Сложившаяся ситуация характеризует разницу в материальном положении членов кооперативов в Прибалтике и в Центральной России, основную массу населения которой составляли средние слои деревни, видевшие главную функцию кооперативов не в накоплении капиталов, а в развитии хозяйства [21, с. 136–157].

Кредитные кооперативы центра страны перед Первой мировой войной активно занимались торгово-посреднической деятельностью. Они снабжали крестьян машинами и оборудованием, закупали предметы производства и потребления, организовывали совместные поставки на рынок сельскохозяйственной продукции – хлеба, масла, льна. Координацию всей этой деятельности взял на себя созданный в 1912 г. Московский народный банк (МНБ), ставший фактически центральным банком для всей российской кооперации. Благодаря его усилиям к весне 1913 г. хлебозалоговые операции вели 15,3 % всех кредитных кооперативов империи [22, с. 75]. Широкое распространение они получили в южных губерниях европейской части страны и Сибири. Правительство со своей стороны всячески поощряло кооперацию в ее стремлении занять устойчивое положение на хлебном рынке. Под залог хлеба кооперативам в 1912 г. государство выделило 1015 млн руб., в 1913 – 144 млн [23, с. 13]. В предвоенные годы начала осуществляться государственная программа создания зернохранилищ. Эти меры способствовали распространению круга кооперативов, занимающихся хлебозалоговыми операциями, помогали кооперации активно противостоять частным торговым посредникам.

Кооперация выступала серьезным конкурентом частному предпринимательству и в деле производства молочных продуктов, сыра и масла. Молочно-маслодельные кооперативы довольно интенсивно развивались в Сибири, где их в 1914 г. насчитывалось 2100, что составляло более половины всех такого рода предприятий. Союз сибирских маслодельных артелей, учрежденный в 1911 г., являлся крупнейшей организацией, активно противостоящей частным фирмам не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, а продукты российских кооператоров – хлеб, масло, лен – составляли существенную часть отечественного экспорта и высоко ценились в мире. Постепенно внутри кооперативного движения набирал силу процесс специализации по отдельным отраслям сельскохозяйственного производства. Возникли маслодельная, картофельная, крахмальная и другие

виды кооперации. Происходила одновременно и дальнейшая интеграция кооперативной системы путем организации союзов и установления договорных отношений между различными кооперативными структурами.

Кооперативный уклад, основанный на принципах демократического хозяйствования миллионов трудящихся, составлял серьезную конкуренцию для государственного и частного сектора экономики. При этом кооперация выступала не просто как хозяйственное или коммерческое предприятие, но как массовое общественное движение с присущей ему идеологией. Кооператоры уделяли большое внимание культурному просвещению народа, его образованию и воспитанию.

Теоретики отечественного кооперативного движения до революции 1917 г. одним из основных принципов кооперации практически единодушно провозглашали политический нейтралитет. М. Туган-Барановский отмечал, что «вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение», несет угрозу его раскола [24, с. 4–6]. По его мнению, соблюдение принципа политического нейтралитета кооперации неравносильно полному отказу от участия в политической жизни. «При известных условиях, – писал М. Туган-Барановский, – кооперация может и должна участвовать в политической жизни именно тогда, когда дело идет к защите законодательным путем жизненных интересов кооперации». В этом случае оно становится «на почву защиты вполне определенных собственных интересов, а не стремится влиять на общее направление политической жизни в стране». Следовательно, «устранение политики из кооперации основывается не на пренебрежении к политике со стороны кооперации, а на сознании различия этих областей общественной жизни» [25, с. 428–429].

В российской действительности провести грань между различными сферами общественной жизни и определить черту, за которой начинается область политики, было сложным делом. Кооперативы, претендуя на свой особый путь социального переустройства, не могли не заниматься политикой. Рабочие кооперативы, созданные в ходе Первой русской революции, не скрывали своих политических пристрастий.

Прав был видный деятель кооперативного движения, функционер партии кадетов князь Д. Шаховский, когда, выступая перед коллегами по партии, отмечал, что кооперативное движение в России должно быть изучено, так как оно является большой и новой силой, и члены партии должны встать в ряды ее работников [26, с. 219].

Кооперации по своему существу быстро выходят из-под опеки правительства и способствуют сплочению масс.

В ряду теоретиков и практиков кооперативного движения были многие видные общественные деятели. Среди них социалисты Е. Кускова, Н. Прокопович, эсеры С. Маслов, А. Меркулов, меньшевики М. Хейсин, Л. Хинчук, большевики В. Ногин, И. Скворцов-Степанов, анархист В. Поссе и др., все они внесли свой достойный вклад в развитие кооперативного движения и способствовали формированию гражданского общества в России.

Само кооперативное движение в силу его реального положения в стране, огромного творческого потенциала, демократизма и открытости для людей – без различия их общественного, национального, религиозного и иного статуса – не могло оказаться вне политики, особенно в условиях социальных потрясений, в полосу которых вступила Россия с началом мировой войны.

В начале войны кооператоры заняли патриотическую позицию и стремились к налаживанию конструктивных отношений с властью, но по мере осложнения обстановки на фронте все больше втягивались в открытое противостояние с правящим режимом.

Наблюдается повышенная динамика политических выступлений кооперативных организаций в 1916–1917 гг., что свидетельствует об их политической зрелости. Бесспорно,

что кооператоры руководствовались различными мотивами, принимая участие в революциях, которые потрясли страну. Однако доминирующими мотивами были идеологические.

Кооперация – особое социальное движение, исповедующее принципы демократии, равноправия и товарищеской солидарности, – связывала свой идеал с обновлением всего общества. До определенного времени достижение этого идеала предполагало эволюционизм и мирный характер реформ. Однако войны и революции, в которые была втянута страна, напряжение в обществе усилили радикализм руководства кооперативного движения, давно и тесно сотрудничавшего с либеральными и социалистическими кругами как внутри страны, так и за рубежом.

Руководители кооперативного движения находились среди главных фигурантов в российских революциях. Среди прочих инициатив идея воссоздания Советов рабочих депутатов в столице впервые была обнародована 25 февраля 1917 г. в Союзе потребительских обществ Петрограда [27, с. 115–126]. В Москве и ряде других городов Центральной России кооператоры выступили инициаторами учреждения новых органов власти, которые потом и возглавляли.

Что отличало главных кооператоров от функционеров политических партий и общественных организаций? Это, прежде всего, легальное положение кооперативов, непосредственная их связь с массами, относительная экономическая и финансовая самостоятельность, наличие печатных органов, опытный кадровый корпус, значительную часть которого составляли профессиональные революционеры и политические деятели.

Большое значение также имело активное участие кооперации в хозяйственной жизни регионов, взаимодействие с земскими органами власти в деле снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления.

Российская кооперация приняла участие в выборах в Учредительное собрание. Кооператоры выдвигали своих кандидатов в 16 округах. Для руководства предвыборной кампанией было образовано политическое бюро в составе Н. Чайковского, А. Сазонова, В. Анисимова, В. Икова и Н. Смертина [28, с. 61]. В Москве кооператоры совместно с группой «Единство» образовали «демократическо-социалистический блок» во главе с В. Плехановым, С. Прокоповичем, А. Беркенгеймом [29]. Кооператоры развернули кампанию в поддержку своих кандидатов, был учрежден специальный фонд, пожертвования в который сделали Е. Кускова, А. Чайнов, писатель М. Осоргин, редактор «Власти народа» Э. Гуревич. По итогам выборов кооперативный блок занял четвертое место, уступив большевикам, кадетам, эсерам и набрал всего 4,6 % голосов [30]. Это был полный провал. Из известных кооперативных деятелей в Учредительное собрание прошли лишь те, кто баллотировался по партийным спискам.

Лавирование руководства кооперативного движения между властью и обществом в революционной обстановке тех лет оказалось несостоятельной тактикой, что привело кооперативное движение к глубокому внутреннему кризису, из которого выйти не удалось.

Нам предстоит усвоение уроков кооперативного движения, его достижений, просчетов и ошибок, что представляется сегодня важной и актуальной задачей. Кооперация конца XIX – начала XX вв., несмотря на провалы и потрясения, сумела стать важной составляющей в процессе обновления страны, формирующим фактором в формировании гражданского общества в России.

В заключение можно отметить, что в кооперативах того времени усматривается модель преобразования общества на принципах сотрудничества, партнерства и солидарности, что же касается других, известных проектов решения социальных проблем, то, к сожалению, они имели высокую цену и ставили страну на грань национальной катастрофы.

Именно в идеологии русской кооперации просматриваются характер кооперативно-го движения, синтез духовного и материального начал, скрытый потенциал творчества масс и самореализации личности.

Ссылки:

1. Тотомианц В.Ф. Теория, история и практика потребительской кооперации. М., 1918.
2. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004.
3. Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. 1996. № 5.
4. Бирбанк Дж. Империя и гражданское общество // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб., 1999.
6. Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Новониколаевск, 1923 ; Туган-Барановский М.И. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914 ; Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1925 ; Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997 ; Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996.
7. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1925.
8. Тюкавкин В.Г., Болотова Е.Ю. Кооперация // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия. М., 1994.
9. Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве. Киев, 1914.
10. Отчет по мелкому кредиту за 1912 г. Пр., 1916. Ч. 1.
11. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996.
12. Русская мысль. 1914. № VII.
13. Второй Всероссийский съезд по кооперации в г. Киеве. Киев, 1913.
14. Прокопович С.Н. Кредитная кооперация. № 1923.
15. Евдокимов А.В. Село и город в российской кооперации. М., 1912.
16. Анциферов А.Н. Очерки по кооперации. М., 1915.
17. Союз потребителей. М., 1915.
18. Вестник кооперации. 1916. Кн. 6.
19. Там же. 1915. Кн. 1.
20. Известия Московской губернской земской управы. 1915. № 7.
21. Лубков А.В. Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития: проекты и авторы (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2006.

References (transliterated):

1. Totomiants V.F. Teoriya, istoriya i praktika potrebiteľ'skoy kooperatsii. M., 1918.
2. Fromm E. Imet' ili byt'?' Radi lyubvi k zhizni. M., 2004.
3. Levin I.B. Grazhdanskoe obshchestvo na Zapade i v Rossii // Polis. 1996. No. 5.
4. Birbank Dzh. Imperiya i grazhdanskoe obshchestvo // Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX vv.). M., 1997.
5. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. In 2 vol. Vol. 2. SPb., 1999.
6. Mahov V. Potrebiteľ'skaya kooperatsiya Sibiri v protsesse ee razvitiya. Novonikolaevsk, 1923 ; Tugan-Baranovskiy M.I. Ekonomicheskaya priroda kooperativov i ih klassifikatsiya. M., 1914 ; Chayanov A.V. Kratkiy kurs kooperatsii. M., 1925 ; Lubkov A.V. Voyna. Revolyutsiya. Kooperatsiya. M., 1997 ; Kim Chan Chzhin. Gosudarstvennaya vlast' i kooperativnoe dvizhenie v Rossii – SSSR (1905–1930). M., 1996.
7. Chayanov A.V. Kratkiy kurs kooperatsii. M., 1925.
8. Tyukavkin V.G., Bolotova E.Y. Kooperatsiya // Otechestvennaya istoriya: Istoriya Rossii s drevneyshih vremen do 1917 g. : entsiklopediya. M., 1994.
9. Kooperatsiya na Vserossiyskoy vystavke 1913 g. v Kieve. Kiev, 1914.
10. Otchet po melkomu kreditu za 1912 g. Pr., 1916. Pt. 1.
11. Kim Chan Chzhin. Gosudarstvennaya vlast' i kooperativnoe dvizhenie v Rossii – SSSR (1905–1930). M., 1996.
12. Russkaya mysl'. 1914. No. VII.
13. Vtoroy Vserossiyskiy sezd po kooperatsii v g. Kieve. Kiev, 1913.
14. Prokopovich S.N. Kreditnaya kooperatsiya. No. 1923.
15. Evdokimov A.V. Selo i gorod v rossiyskoy kooperatsii. M., 1912.
16. Antsiferov A.N. Ocherki po kooperatsii. M., 1915.
17. Soyuz potrebiteley. M., 1915.
18. Vestnik kooperatsii. 1916. Book 6.
19. Ibid. 1915. Book 1.
20. Izvestiya Moskovskoy gubernskoy zemskoy upravyy. 1915. No. 7.
21. Lubkov A.V. Kooperativnaya model' obnoveniya Rossii: dorevoljucionniy opyt // Modeli obshchestvennogo razvitiya: proekty i avtory (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). M., 2006.

22. Вестник кооперации. 1916. Кн. 6.
23. Вестник сельского хозяйства. 1915. № 2.
24. Отчет общества потребителей «Кооперация» в Москве за второй операционный 1917 год. М., 1917.
25. Туган-Барановский М.И. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914.
26. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1912–1914. М., 1997.
27. Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997.
28. Вестник кооперации. 1917. Кн. 9–10.
29. Власть народа. 1917. 15 октября.
30. Там же. 24 ноября.

22. Vestnik kooperatsii. 1916. Book 6.
23. Vestnik sel'skogo hozyaystva. 1915. No. 2.
24. Otchet obshchestva potrebiteley «Kooperatsiya» v Moskve za vtoroy operatsionniy 1917 god. M., 1917.
25. Tugan-Baranovskiy M.I. Ekonomicheskaya priroda kooperativov i ih klassifikatsiya. M., 1914.
26. Protokoly TSK Konstitutsionno-demokraticeskoy partii. 1912–1914. M., 1997.
27. Lubkov A.V. Voyna. Revolyutsiya. Kooperatsiya. M., 1997.
28. Vestnik kooperatsii. 1917. Book 9–10.
29. Vlast' naroda. 1917. October 15.
30. Ibid. November 24.